

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.15

М. А. Капустина

ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена вопросу формирования системной концепции правового регулирования в едином правовом пространстве. Отмечается, что и в русскоязычной, и в англоязычной юридической литературе понятие регулирования общественных отношений зачастую отождествляется с законодательным регулированием. В англоязычных исследованиях *regulation* используется в значении нормативного акта, регламента, государственного регулирования на основе закона и противопоставляется в таком значении процессу автономного регулирования (саморегулирования), связанному с сокращением государственного влияния в определенной сфере жизнедеятельности, например экономической (*economic liberalization*). Цель регулирования — внести известный порядок в общественные отношения и обеспечить единство правового пространства. Однако, как показано в статье, несмотря на большую степень организованности механизма государственно-правового регулирования, его эффективность в современных условиях в ряде случаев снижается, увеличение объема законодательства и иных властных установлений не обеспечивает единства правового пространства.

Сегодня регулирование зачастую осуществляется в правовом пространстве отношений между представителями разных правовых культур, в частности в евразийском культурно-правовом пространстве. Поэтому формирование системной концепции правового регулирования предполагает исследование проблем социально значимого поведения и деятельности индивидов в условиях взаимодействия культур. Столкновение культур в результате современных процессов миграции населения может привести к нарушению единства пространства правового регулирования в связи с образованием так называемого «теневое право», противостоящего действующему (официальному) праву. Обеспечить единство правового пространства возможно на основе системной концепции правового регулирования, сочетающей в условиях данного культурно-правового контекста требование стабильности законодательства с гибкостью государственно-правового регулирования. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: теория права и государства, правовое регулирование, системный подход, правовое пространство, нормы права, законодательство, правовая политика, правовая культура.

Капустина Мария Александровна — кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.kapustina@spbu.ru

Kapustina Maria A. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitet-skaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.kapustina@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

LEGAL SPACE: FORMATION OF THE SYSTEMATIC CONCEPTION OF LEGAL REGULATION

The article is devoted to the formation of a systematic conception of legal regulation in unified legal space. It is noted that in the Russian and the English legal literature the concept of the regulation of social relations is often identified with legislative regulation. In English language studies *regulation* is used in the sense of a normative act, state regulation which is based on the law and opposed in this sense to the process of autonomous regulation (self-regulation), associated with the reduction of state influence in a particular sphere of life, such as economics (*economic liberalization*). The objective of regulation is the formation of a certain order in social relations and providing a unity of legal space. It is revealed however that in spite of the great extent to which the mechanism of state regulation is organized, its efficiency in contemporary conditions is, in some cases, decreasing. An increase in the volume of legislation and other government establishments does not provide unity of legal space.

Today, regulation is often carried out in the legal space of relations between the representatives of different legal cultures, in particular in the Eurasian cultural and legal space. Therefore, the formation of a systematic conception of legal regulation necessarily presupposes the study of problems of socially significant behavior and the activities of individuals in the conditions of cultural interaction. "Culture shock" due to contemporary processes of migration may disrupt the unity of the legal regulation space in connection with the formation of the so-called shadow "law" which is opposed to official rules. The unity of the legal space can be achieved on the basis of the systematic conception of legal regulation which, in the conditions of the cultural and legal context, combines the requirement of legislative stability with the flexibility of state regulation. Refs 12.

Keywords: Theory of Law and State, legal regulation, the systematic approach, legal space, legal norms, legislation, legal policy, legal culture.

В юридической литературе правовое регулирование зачастую отождествляется с так называемой авторитарной (властной) формой упорядочения общественных отношений — механизмом государственно-правового регулирования. В научно-практических и учебных публикациях правовое регулирование обсуждается, как правило, в контексте законодательного (государственно-властного) упорядочения общественных отношений. Следует признать, что и в русскоязычной, и в англоязычной литературе, так же как и в русском, и в английском юридическом языке, регулирование рассматривается прежде всего в качестве властной формы правового воздействия, осуществляемого через совокупность обязательных для исполнения предписаний, исходящих от органа власти или управления и имеющих своей целью внести известный порядок в определенную сферу общественных отношений. В англоязычном документообороте *regulation* используется в значении нормативного акта, регламента, государственного регулирования. *Regulation* может быть названием нормативного акта, например Регламента Еврокомиссии, обязательно для всех членов Евросоюза. В исследованиях, опубликованных на английском языке, *regulation* может иметь значение государственного регулирования на основе закона, исполнение которого обеспечено мерами юридической ответственности. В таком значении *regulation*, как властная (авторитарная) форма воздействия на общественные отношения, противопоставляется *liberalization* — либерализации как процессу автономного регулирования (саморегулирования), связанному с сокращением (смягчением) государственного влияния в той или иной сфере жизнедеятельности, например экономической (*economic liberalization, price liberalization, trade liberalization, liberalization of imports etc.*).

Регулирование отождествляется с направляющим воздействием, вносящим нормативный порядок в общественные отношения в той или иной сфере жизне-

деятельности, системность (известную последовательность, планомерность) в развитии отдельных групп отношений в их взаимосвязи с другими видами отношений в обществе. В этом смысле общей целью правового регулирования выступает, можно сказать, нормализация жизни индивидов и общества в целом, упорядочение (взаимосвязь, систематизация) общественных отношений на основе системы принципов и норм права, воспринятых (легитимированных) правосознанием субъектов. Регулирование мыслится прежде всего как соответствующее правовым принципам (и в этом смысле предсказуемое, ожидаемое в конкретных социокультурных условиях) организованное (структурированное) системное целенаправленное и целенаправленное воздействие на поведение, деятельность, общественные отношения между субъектами права. Другими словами, результатом системного (целостного, интегративного) правового регулирования должна выступать правовая система — единое правовое пространство.

Действительно, в государственно-правовом регулировании, осуществляемом системой органов государственной власти (включая судебную власть) и управления, проявляется большая степень организованности. Государственно-правовое регулирование включает в себя нормативное (законодательное) и индивидуальное (правоприменительное) воздействие на поведение субъектов и отношения между ними. Однако в современном мире отмечается избыток законодательных норм, что связано, в частности, с экспансией позитивного права в сферы отношений традиционного регулирования, т. е. в сферы регулирования другими социальными нормами. Зачастую государство вмешивается при помощи законодательства в отдельные, например брачно-семейные, торговые, отношения, выполняя социальную функцию, стремясь сгладить некоторые социальные противоречия, расширяя таким образом сферу (предмет) государственно-правового регулирования. Увеличение объема законодательства и иных властных установлений в определенной мере связано и с эволюцией общества как такового. Однако расширение предмета законодательного регулирования, увеличение количества юридических предписаний, детальная юридическая регламентация поведения субъектов зачастую связаны с уменьшением эффективности правового (законодательного) регулирования.

Правовое регулирование предполагает взаимное признание и уважение свободы субъектами права (правовых коммуникаций). Сегодня правовое общение происходит все чаще между представителями разных правовых культур. Для России в этом смысле актуализируется, в частности, проблема евразийского культурно-правового пространства. Надо сказать, что природу и структуру евразийского права стремился познать в свое время Н. Н. Алексеев [1, с. 70–73]. В наши дни развитие Евразийского экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС протекает в условиях юридической интеграции, охватывающей целостную систему элементов правового регулирования, начиная с унификации норм (законодательства) и заканчивая юрисдикционной деятельностью Суда Евразийского экономического союза. В современных условиях взаимодействия культур на самых разных уровнях: национальном (государственном), этническом, религиозном, профессиональном и т. д. — признание субъектами права свободы друг друга происходит зачастую под воздействием такого проявления процесса взаимодействия культур, как «культурный шок». Несмотря на довольно частое сегодня употребление словосочетания «культурный шок», приобретение им сленгового характера, как научное понятие

оно означает буквально «столкновение» культур. В социологии «культурный шок» означает частный случай взаимодействия культур, а именно «столкновение» разных систем норм и ценностей, в том числе и правовых, так как нормы и ценности права неразрывно связаны с общей культурой, включены в систему норм и ценностей культуры общества (этнуса) в целом. Культура как система норм и ценностей не наследуется индивидом генетически, а формируется в процессе его социализации, в результате его взаимоотношений с другими индивидами, их объединениями (самого разного рода сообществами) и обществом в целом.

Поэтому с точки зрения формирования системной концепции правового регулирования важными представляются исследования проблем социально значимого поведения и деятельности индивидов, столкнувшихся с разного рода уровнями (видами) взаимодействующих культур, начиная от «столкновения» национальных культур в связи с миграцией населения разных стран и заканчивая «культурным шоком», который переживает отдельный индивид на личном уровне, например, в связи с переходом на новое место работы и необходимостью подчиниться новым для него корпоративным нормам или в связи с изменением индивидом своего социального статуса (роли) в случае вступления в брак, рождения ребенка и, соответственно, необходимостью изменения системы ценностей. Результатом «столкновения» культур может быть как отказ от собственной культуры и принятие новой, так и отрицание норм и ценностей новой для индивида (группы индивидов) культуры. И если в профессиональной или брачно-семейной сфере общественных отношений такого рода отрицание норм и ценностей новой для индивида культуры вероятнее всего приведет к прекращению отношений, связанных с взаимодействием культур, например к увольнению или расторжению брака, то в сфере миграционных отношений отказ от принятия эмигрантами, беженцами норм и ценностей культуры, в частности правовой культуры новой для них страны (страны их проживания или пребывания), может привести к таким крайне неблагоприятным и опасным социально-правовым явлениям, как различного рода цинизм, экстремизм, направленным на разрушение системы ценностей и правил регулирования общественных отношений.

Столкновение культур в результате современных процессов миграции населения приводит зачастую к возникновению в структуре общества объединений (организаций, движений) националистического, религиозного и иного толка, целью которых является не активная социализация индивидов, переживших «культурный шок», а наоборот, отрицание и разрушение культуры, с которой они столкнулись. В правовом пространстве это может привести к образованию так называемого «теневого права», т.е. системы правил, ритуалов, ценностей и построенных на их основе отношений между теми, кто идентифицирует себя с подобным социальным объединением, например землячеством, и, соответственно, противопоставляет себя субъектам данной правовой системы. Поскольку нормы и ценности находят выражение в языке, а юридические нормы и принципы (ценности) объективируются (позитивируются, закрепляются) посредством государственного языка, постольку именно язык должен выступать инструментом активной социализации индивидов, столкнувшихся с другой культурой, и, следовательно, социальной интеграции. Не случайно знание государственного языка является обязательным условием получения гражданства, а в ряде случаев — проживания на территории

страны и разрешения на работу. Современная концепция правового регулирования, с одной стороны, должна учитывать влияние процессов самоорганизации общественных отношений на функционирование механизма государственно-правового регулирования, а с другой — предполагает правовую политику, обеспечивающую системный характер правового регулирования и, следовательно, единство политического, экономического, территориального и языкового пространства правового регулирования¹.

Надо сказать, что термин «пространство» не новый в правоведении. Пространство в юридической литературе традиционно понимается в формальном аспекте как территория, на которую распространяется действие нормативных актов, изданных разными органами государства, т. е. пространство, на которое распространяется юрисдикция данного государства. Однако «правовое пространство» — понятие более широкое. Это сфера правового регулирования, сфера правовых отношений [2, с. 103–114; 3, с. 220–222]. Таким образом, понятие «пространство» при обсуждении вопросов правоустановления, законотворчества используется в двух значениях: во-первых, пространство как территория государства, на которую в формально-юридическом смысле распространяется действие законодательства; во-вторых, пространство как сфера правоустановления, правового регулирования, т. е. единое пространство правового регулирования.

Сегодня понятие «правовое пространство» получило довольно широкое распространение наряду с понятиями «правовая система», «система законодательства». При этом зачастую правовое пространство отождествляется с системой нормативных актов (законодательством) и практикой их применения [4; 5, с. 29–31; 3, с. 220–222], что представляется неоправданным с научно-практической точки зрения. Необходимость в новом для российской юриспруденции термине связана, вероятно, со стремлением современных исследователей подчеркнуть включенность законодательства (системы нормативных правовых актов) в единое пространство правового регулирования, важность непрерывного мониторинга законодательства и его применения для адекватного правоустановления в процессе законотворчества и правоприменения. В современных условиях важно обратить внимание на проблемы обеспечения правоприменительными, прежде всего судебными, органами системного характера правового регулирования в ситуациях правовой неопределенности, коллизий и противоречий между правоустановлениями (законоустановлениями) законодательной власти, а также пробелов в праве (законодательстве).

---

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) принимает самое активное участие в работе по научно-методологическому обеспечению правовой политики в самых разных областях, в том числе в вопросах поддержания и развития русского языка при его использовании в функции государственного языка Российской Федерации. Так, по поручению Правительства РФ экспертами (специалистами в самых разных областях научного знания) СПбГУ в 2015 г. были исследованы нормативные акты Северо-Западного федерального округа и выявлено множество нарушений законодательства о русском языке. В целях поддержки и развития русского языка как государственного в СПбГУ в 2015 г. были разработаны две новые образовательные программы: новая магистерская программа «Юридическая лингвистика», набор студентов на которую был проведен летом 2015 г., и дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Язык закона», рассчитанная в том числе на сотрудников органов государственной власти и управления, в профессиональные полномочия которых входит подготовка (написание на русском языке как государственном) актов-документов в сфере правового регулирования.

Правовое пространство было бы неправильно рассматривать лишь в аспекте единой системы нормативных актов и юридической практики. Представляется возможным философско-правовое осмысление этих терминов. Правовое пространство — часть социального пространства в целом, наряду с экономической, политической, этической сферами общества. Формирование понятия «правовое пространство» связано с необходимостью нового подхода к теоретико-методологической проблеме исследования системы правового регулирования [6, с. 206–209]. Термин «правовое пространство» призван подчеркнуть принцип единства, непрерывности и непротиворечивости правового регулирования начиная с процесса нормообразования, законопроектирования. Речь должна идти о такой правовой политике, которая обеспечивает единую систему правового регулирования, согласованность законодательства и практики его применения, т. е. унифицированную (единообразную) практику применения закона. Для современной России это довольно сложный вопрос, потому что политика обеспечения единого правового пространства, единой правоприменительной практики в Российской Федерации должна учитывать культурную, политическую и социально-экономическую специфику и географическую отдаленность друг от друга ее составных частей, например Калининградской области (граничащей со странами Западной Европы) и Ленинградской области (граничащей со скандинавскими странами). Определенная работа в данном направлении ведется в России на уровне федеральной власти. В частности, реализуется Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»².

Существующие нарушения единства правового пространства в России связаны с целым рядом проблем, в частности с отсутствием единства в толковании и применении закона от субъекта к субъекту Российской Федерации. Однако одна из важнейших причин такого положения дел кроется в законотворчестве, включающем в себя законодательный процесс. Принимаются законодательные акты, противоречащие Конституции или другим нормативным актам того же уровня (другим законам), или внутренне коллизионные акты. Отсутствует должная система законотворчества, нет общеобязательных правил юридической техники подготовки концепции закона, написания законопроекта, которые в конечном итоге не только определяют технико-юридическое качество закона, но и обеспечивают реализацию правовой политики. Задача обеспечения правового единства России была прямо обозначена в известном Указе Президента РФ от 10.08.2000 г. (с изменениями на 18.01.2010 г.) № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового

---

² В соответствии с данным Указом Правительство Российской Федерации 19 августа 2011 г. утвердило методику осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, а при Министерстве юстиции Российской Федерации работает Экспертный совет по мониторингу правоприменения, в состав которого входят в том числе пять экспертов от Санкт-Петербургского государственного университета. В соответствии с Положением об Экспертном совете при Министерстве юстиции РФ по мониторингу правоприменения в Российской Федерации Экспертный совет обеспечивает участие и взаимодействие, в частности, граждан Российской Федерации, научных и образовательных организаций, иных организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации с Министерством юстиции в процессе мониторинга правоприменения в Российской Федерации (п. 2) (Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Российская газета. 25.05.2011. № 110; Собрание законодательства Российской Федерации. 23.05.2011. № 21. Ст. 2930).

пространства в РФ»³. Надо признать, что данный указ Президента РФ повлиял в известном смысле на юридическую терминологию. С момента его опубликования понятие «правовое пространство» стало часто употребляться в выступлениях политиков, высших должностных лиц России и субъектов РФ, руководителей государственных органов, а также в специально-юридических исследованиях [7, с. 3–7; 8, с. 4–6; 9, с. 3–5].

Законотворчество — важная часть процесса правового регулирования в современном обществе. Вероятно, одно из главных отличий законодательного регулирования общественных отношений заключается в том, что законотворчество должно носить рациональный характер, быть целеположенным и целенаправленным, концептуально обоснованным. Непрерывный мониторинг законодательства и правоприменения необходим для концептуального обоснования законотворческой деятельности, подготовки законопроектов. Мониторинг нормативных актов и практики их применения должен рассматриваться обязательным элементом (частью, стадией) законотворческой деятельности, с тем чтобы обеспечить надлежащую реализацию права законодательной инициативы, принятие адекватных потребностям правового регулирования законодательных актов, устранение противоречий, коллизий и неопределенности (пробелов) в правовом регулировании общественных отношений.

Принцип единства правового пространства предполагает сочетание требований стабильности и системности государственного регулирования с его гибкостью и адекватностью конкретным условиям жизнедеятельности общества. В частности, проблемными с этой точки зрения являются вопросы специализации (дифференциации) правового регулирования и позитивной дискриминации, например предоставление льгот определенным группам субъектов права. Современная концепция правового регулирования формируется в контексте интегративной юриспруденции, в рамках которой право рассматривается как сложное социально-гуманитарное явление, а правовое регулирование считается необходимым прежде всего для объединения людей, примирения конфликтов и противоречий между субъектами [10; 11]. Право выступает институтом социальной интеграции, правовое регулирование — средством общения субъектов [12, с. 22–27, 87–90]. Методология интегративной юриспруденции позволяет представить правовое регулирование как систему взаимосвязанных между собой в едином правовом пространстве принципов права (правовых ценностей, идей), системы норм позитивного права и правовой деятельности субъектов, фактических правоотношений.

Литература

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 1998. 216 с.
2. Барциц И. Н. Правовое пространство: основные признаки и закономерности развития // Журнал российского права. 2000. № 5–6. С. 103–114.
3. Капустина М. А. О понятии «правовое поле» // Правоведение. 2006. № 6. С. 220–222.
4. Барциц И. Н. Правовое пространство России. Вопросы конституционной теории и практики. М.: Изд-во МГУ, 2000. 496 с.
5. Колесов Ю. И. Правовое пространство Российской Федерации: к вопросу о понятии // Закон и право. 2004. № 9. С. 29–31.

³ Указ Президента РФ от 10.08.2000 г. (с изменениями на 18.01.2010) № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства в РФ» // СЗРФ. 2000. № 33. Ст. 3356.

6. Денисенко В. В. Демократизм нормотворчества: легитимация в различных типах правопонимания. // Вестн. Воронежского ин-та МВД России. 2014. № 1. С. 206–209.
7. Черепанов В. А. Мониторинг правового пространства: региональный аспект // Закон и право. 2004. № 10. С. 3–7.
8. Баstryкин А. И. Создание единого правового пространства — приоритетная задача // Юрист и бухгалтер. 2003. № 2 (13). С. 4–6.
9. Анненкова В. Г. Проблемы обеспечения единства российского правового пространства // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 4. С. 3–5.
10. Rättslig integration och pluralism. Nordisk Rättskultur I Omvandling. Stockholm: Institutet för Rättshistorisk Forskning, 2001. 211 p.
11. Baker J. H. An Introduction to English legal history. 3rd ed. London: Butterworths, 1990. 477 p.
12. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии / пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика. М.: Ad Marginem, 1999. 413 с.

Для цитирования: Капустина М. А. Правовое пространство: формирование системной концепции правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2016. Вып. 2. С. 4–11. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.201

References

1. Alekseev N. N. *Osnovy filosofii prava [Fundamentals of the philosophy of law]*. St. Petersburg, St.-Peterburg Law Institute Press, 1998. 216 p. (In Russian)
2. Bartsits I. N. Pravovoe prostranstvo: osnovnye priznaki i zakonomernosti razvitiia [Legal space: main characteristics and regularities of development]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2000, no. 5–6, pp. 103–114. (In Russian)
3. Kapustina M. A. O poniatii «pravovoe pole» [On the concept of “legal field”]. *Pravovedenie*, 2006, no. 6, pp. 220–222. (In Russian)
4. Bartsits I. N. Pravovoe prostranstvo Rossii [Legal space of Russia]. *Voprosy konstitutsionnoi teorii i praktiki*. Moscow, Moscow State University Press, 2000. 496 p. (In Russian)
5. Kolesov Iu. I. Pravovoe prostranstvo Rossiiskoi Federatsii: k voprosu o poniatii [The legal space of the Russian Federation: On the issue about the concept]. *Zakon i pravo*, 2004, no. 9, pp. 29–31. (In Russian)
6. Denisenko V. V. Demokratizm normotvorchestva: legitimatsiia v razlichnykh tipakh pravoponimaniia [Democratism of rulemaking: the legitimation in different types of legal thinking]. *Vestnik Voronezhskogo in-ta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 206–209. (In Russian)
7. Cherepanov V. A. Monitoring pravovogo prostranstva: regional’nyi aspekt [Monitoring of legal space: Regional Aspect]. *Zakon i pravo*, 2004, no. 10, pp. 3–7. (In Russian)
8. Bastrykin A. I. Sozdanie edinogo pravovogo prostranstva — prioritetsnaia zadacha [Creation of common legal space — a priority task]. *Iurist i bukhgalter*, 2003, no. 2 (13), pp. 4–6. (In Russian)
9. Annenkova V. G. Problemy obespecheniia edinstva rossiiskogo pravovogo prostranstva [Problems of maintenance of unity of the Russian legal space]. *Gosudarstvennaia vlast’ i mestnoe samoupravlenie*, 2005, no. 4, pp. 3–5. (In Russian)
10. *Rättslig integration och pluralism. Nordisk Rättskultur I Omvandling*. Stockholm, Institutet för Rättshistorisk Forskning Publ., 2001. 211 p. (In Russian)
11. Baker J. H. *An Introduction to English legal history. 3rd ed.* London, Butterworths Publ., 1990. 477 p. (In Russian)
12. Berman H. J. *Vera i zakon: primirenje prava i religii [Faith and lex: the reconciliation of law and religion]*. Transl. from Engl. by D. Shabel’nikov, M. Timenchik. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 413 p. (In Russian)

For citation: Kapustina M. A. Legal space: formation of the systematic conception of legal regulation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 14. Law*, 2016, issue 2, pp. 4–11. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.201

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2016 г.;
рекомендована к печати 20 мая 2016 года